

УДК 811.512.145

ОТНОШЕНИЕ СОПРОСТРАНСТВЕННОСТИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© Ильдар Миргалимов

RELATIONS OF CO-SPATIALITY IN THE TATAR LANGUAGE

Ildar Mirgalimov

This article examines co-spatiality in the Tatar language. To represent different levels of existence we need to reveal the meaning of co-spatiality. We explore the concept and image of the place through the imaginary and mental territories and spaces, which are presented as representative projections. The universal property of space is its length, the unity of discontinuity and continuity. The relevance of this study is determined by insufficient knowledge of the topic. The study is based on the works of such scientists as M. V. Vsevolodova, E. Y. Vladimirsky, A. Yu. Antonovsky, etc. The system of location values in the Tatar language is characterized by the correlation of one object or a small number of objects (events) with the locum. A distributable component lexically or morphologically (superlative adjective) emphasizes: 1) either uniqueness and specific nature of the object, sign and action within the locum; 2) or a limited number of localizable items.

The basic unit, chosen to describe co-spatiality, is a local construction - a syntactic structure, consisting of a distributed and distributing (noun group) components. This construction can be either a word combination or an independent sentence.

The purpose of the article is to study the most general and specific characteristics of co-spatiality in the Tatar linguistic picture of the world.

Keywords: space, locative relation, co-spatiality, spatiality, specific co-spatiality, concept.

В данной статье рассматривается соппространственность в татарском языке. Выявление значения соппространственности необходимо для представления различных уровней существования. Исследуется понятие и образ места через воображаемые и ментальные территории и пространства, которые представляются как репрезентативные проекции. Всеобщее свойство пространства – это протяженность, единство прерывности и непрерывности. Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью данной темы. В основу исследования легли работы таких ученых, как М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский, А. Ю. Антоновский и т. д. Система локативных значений в татарском языке характеризуется соотносительностью одного предмета или небольшого количества предметов (событий) с локумом. Распространяемый компонент лексически или морфологически подчеркивает: 1) либо единичность, особенность предмета, признака, действия в пределах локума; 2) либо ограниченность количества локализуемых предметов.

Основной единицей описания соппространственности является локативная конструкция – синтаксическое построение, состоящее из распространяемого и распространяющего (именная группа) компонентов. Эта конструкция может быть как словосочетанием, так и самостоятельным предложением.

Цель исследования – изучить наиболее общие и специфические характеристики соппространственности в татарской языковой картине мира.

Ключевые слова: пространство, локативное отношение, соппространственность, пространственность, конкретная соппространственность, концепт.

Из двух основных свойств движущейся материи – пространства и времени – пространство легче воспринимается человеком. Для того чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т. п. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий

бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком... [Гак, с. 670].

Местонахождение предмета представляет собой статический процесс нахождения в определенном месте или движение. В ситуациях местонахождения наиболее ярко выражается статичность, которая предполагает «неизменное пространственное расположение предмета по отношению к локуму» [Всеволодова, с. 12].

Общим значением анализируемых структур является локализация предмета или события в определенном фрагменте пространства. Отношение сопространственности может иметь значение собственно пространства, не полностью занятого предметом, действием, признаком: *Урманьбызда карт имән бар – В нашем лесу есть старый дуб* (Здесь и далее перевод наш – И.М.). Пространство, будучи не полностью занято предметом, соотносится с ним во всей своей полноте, то есть заполненности: *Бөтен урманда – бер генә имән. – На весь лес только один дуб.* Первое значение представлено в оппозиции общей и конкретной сопространственности. Каждое из значений сопространственности выступает либо в основных формах *шәһәрдә, утрауда, өстәлдә* (в городе, на острове, в столе, на столе), либо в формах, дающих уточненное указание на положение предмета в локуме: *шәһәр үзәгендә, шәһәр читендә* (в центре города, на краю города). Выявляются также значения, связанные с характером локума (вертикальный / горизонтальный), с характером расположения предмета в пределах локума (точечное / вытянутое), с количеством локализуемых предметов (один / много), с идеей перемещения предмета в пределах локума, со множественностью самих локумов.

Важно подчеркнуть, что, будучи немаркированным членом оппозиции, значение собственно пространства, не полностью занятого предметом, а вернее, формы, его выражающие, очень часто используются в значении маркированного члена, то есть форм со значением пространства, полностью занятого предметом, ср.: *Урманда кар ята. – В лесу лежит снег*, где группа *урманда* (в лесу) интерпретируется и как «во всем лесу», так и «местами в лесу»; но для выражения данного значения используется только форма *урманда*. Хотя предложение может быть наделено дополнительно семантическим качеством *урыны белән* (местами): *Урманда ямьле алан бар, шул урманның кояш төшмәгән ягында кар ята. – В лесу есть красивая поляна, но на одной стороне, где не проникают солнечные лучи, лежит снег.* Именно поэтому данное значение определяется как *пространство*, не полностью занятое предметом (действием, признаком).

Основной единицей описания является локативная конструкция – синтаксическое построение, состоящее из распространяемого и распространяющего (именная группа) компонентов. Эта конструкция может быть как словосочетанием *баскычтан төшү* (спускаться по лестнице), так и предложением: *Авылның әйләнә-тирәсендә урманнар. – Вокруг нашей деревни леса.*

Именная группа может занимать позицию при слове как части речи (присловная) и позицию при словоформе в синтаксической функции подлежащего или сказуемого. В татарском языке допустима: 1) **приглагольная позиция:** *Ул гомере буе Себердә эшләде. – Он всю жизнь проработал в Сибири;* 2) **приименная позиция:** *Ишегалларындагы шапшаклыкка беркем дә гажәпләнми инде* [Абдуллин. с. 12]. – *Грязь во дворе никого не удивляла.;* 3) **приадеквативная позиция:** *Татарстанда танылган жырчы. – Известный в Татарстане певец;* 4) **позиция при количественном показателе:** *Безнең илдә бу фильм беренче тапкыр күрсәтелә. – В нашей стране этот фильм показывают в первый раз;* 5) **предикативная позиция:** *Мәскәүдә яңгырлар. – В Москве дожди;* 6) **присказуемая позиция локализатора:** *Пингвиннар бары тик Антарктидада гына яши. – Пингины обитают только в Антарктиде.*

В локативных конструкциях выступают в основном глаголы и глагольные сочетания: 1) со значением местонахождения, пребывания: *торырга, урнашырга, булырга* (находиться, быть, бывать, иметься, стоять находится, быть, бывать, иметься, стоять); 2) экзистенциальные, устанавливающие отношения между одушевленными (реже – неодушевленными) именами и локализатором: *яшәргә, тереклек итәргә, гомер кичерергә* (жить, обитать, водиться, существовать); глаголы событийной семантики: *булырга, гамәлгә ашарга, чынбарлыкка ашарга, урын алырга* (случиться, произойти, осуществиться, проходить, состояться, иметь место); со значением появления и исчезновения объекта: *пәйда булырга, үсеп чыгарга, барлыкка килергә* (возникнуть, вырасти, зародиться).

Общая **сопространственность** реализуется для пространственных объектов, по отношению к которым нельзя противопоставить внутренний объем и внешнюю поверхность. Кроме названий географических объектов, некоторых типов пространств, сюда же следует отнести названия объектов, имеющих только внутренний объем, как природных (*яма, овраг, пещера*), так и искусственных, в том числе сооружений типа *тоннель, убежище*, внутренних частей построек (*комната*) и названий различных типов комнат (*кабинет, зал, коридор*). Это значение в татарском языке описывается универсальной формой местно-временного падежа с аффиксами *-да / -дә, -та / -тә*.

Названия **пространственных** объектов делятся на следующие группы: «Вселенная»: *галәмдә, Кояш системасында* (в космосе, в Сол-

нечной системе); «Земля как планета»: *жир шарында, дөнъяда, төньякта, Арктикада* (на земном шаре, на свете, в мире, на севере, в Арктике); «Типы ландшафта, территории и акватории»: *саваннада, комлыкларда, Сахарада, аланда, тугайлыкларда, чокырда* (в саванне, в песках, в Сахаре, на поляне, в лугах, в яме); «Земля как административно-политическое целое»: *корольлектә, Аризона штатында, Кубада* (в королевстве, в штате Аризона, на Кубе); сооружения, помещения, специализированные территории: *күпердә, туннельдә, кабинетта, стадионда* (на мосту, в туннеле, в кабинете, на стадионе) и др. Значение общей сопространственности может уточняться, например: *Джакартада, төгалрәк айтсәк, Джакарта үзәгендә очрашу* [Абдуллин, с. 72]. – *Встреча в Джакарте. Точнее, в центре Джакарты.* Такого уточнения можно добиться путем называния сторон света: *Узбәкстан көньягында; илнең төньяк өлешендә – На юге Узбекистана; в северной части страны,* а также путем использования специальных слов типа *үзәктә, уртада, кырыйда – (в) центре, (в, на) середине, глубине, краю.*

Конкретная сопространственность реализуется в основной оппозиции: «местонахождение внутри предмета» и «местонахождение на несущей поверхности предмета». Наиболее четко эта оппозиция проявляется по отношению к предметам, которые имеют и внутреннюю полость, и несущую поверхность. Например: *тартмада, тартма эчендә – тартма өстендә* (в ящике и на ящике); *читлектә, читлек эчендә – читлек өстендә* (в клетке и на клетке).

В татарском языке, как правило, нет отдельных форм для обозначения общей и конкретной сопространственности. Для этого используются одинаковые формы, например: *Алия дәрәсләрдән соң мәктәптә волейбол уйнады. – После уроков Алия в школе играла в волейбол. и Мәктәптә ремонт ясаганнар. – В школе сделали ремонт.*

Синонимика и вариативность формы падежного окончания имени существительного *-да / -дә, -та / -тә* (У-в.к.) в татарском языке способна выражать как общую сопространственность, так и конкретную. Однако в последнем случае для конкретизации используется форма именительного падежа существительного в сочетании с послелогом. Эти послелогические исторически образованы от существительных, основным значением которых является выражение пространственных отношений: *ас* (низ), *өс* (верх), *ян* (бок), *як* (бок), *эч* (внутренняя часть), *тыш* (внешняя часть), *ал* (перед), *арт* (зад), *чит* (край), *урта* (середина), *арка* (спина), *төп* (основа) и др. Для уточнения местоположения локализуемого предмета они

при помощи падежных окончаний притяжательных форм (притяжательный аффикс 3-го лица *-е / -ы, -сы / -се* + интерфикс *-н-* + форма предложного падежа *-да / -дә*) семантически и грамматически подчиняются слову, обозначающему предмет-локум, теряя при этом свой самостоятельный статус и превращаясь во вспомогательную часть речи. В том случае, если речь идет только лишь о выделенной нами конкретной сопространственности, то наиболее характерными примерами таких послелогов в татарском языке будут служить слова *эчендә* (в, внутри) и *өстендә* (на, наверху): *Китап тумбочка өстендә ята. – Книга лежит на тумбочке; Китап тумбочка эчендә ята. – Книга лежит в тумбочке; Китап – тумбочкада* (что можно понять и как *Книга в тумбочке*, и как *Книга на тумбочке*). А в русском языке предлог «на» формирует ожидание, что предмет будет иметь выделенную верхнюю сторону [Антоновский, с. 195]. Так, предлоги *вокруг, на* привносят интуитивное представление объятия, *у* – соседства, *при* – пространственное отношение «связи» двух индивидов и т. д. В татарской лингвокультуре мы наблюдаем определенную антропоморфизацию мира, в частности, в устойчивых сочетаниях [Замалетдинов, с. 73]. Модель мира как у тюркских народов, так и у татар представляется трёхмерной: *күк* ‘небо’ – верхний мир; *жир* ‘земля’ – средний мир; *жир асты* ‘подземелье’ – нижний мир [Сибгаева, с. 123].

В татарском языке грамматическая материализация передается через существительное в именительном падеже. Такая синкретичность компенсируется довольно свободным употреблением послелогов *өстендә* и *эчендә*. Но они недопустимы при назывании лиц, находящихся в обозначенном пространстве: не *Класс эчендәге егетләр*, а *Класстагы егетләр*. В русском же языке не желательны варианты *Книга на верху стола* и *Книга внутри стола*, более допустимы: *Книга на столе* и *Книга в столе*. Послелогические татарского языка не имеют подобных стилистических ограничений для употребления как в письменной, так и разговорной речи. Эти нюансы необходимо учитывать в переводческой практике.

Можно отметить также, что синонимы и варианты с тождественным семным составом в русском и татарском языках функционируют следующим образом: *в / на + П.п.; из / с + Р.п.; Р.п. – У-в.к.+гы / -ге; У-в.к. +глагол; притяжательная форма 3-го лица: Франциянең Польшадагы илчесе – посол Франции в Польше; Воронежда яшәүче студент = Воронеж студенты – студент из Воронежа; өченче каттагы*

Анна Ивановна = өченче катта яшәүче Анна Ивановна – Анна Ивановна с третьего этажа; Боз океаны буендагы ненецлар = Боз океаны буенда яшәүче ненецлар – Ненцы у Северного ледовитого океана = Ненцы, проживающие на берегу Северного ледовитого океана; Кордильердагы тау бүресе = Кордильерда яши торган тау бүресе = Кордильер тау бүресе – Горный волк Кордильер = горный волк из Кордильер; Сергей Львович «Вестник пароходства» газетасында (эшләүче) кечкенә хезмәткәр иде. = Сергей Львович «Вестник пароходства» газетасының кече хезмәткәре иде. = Сергей Львович «Вестник пароходства» газетасындагы кече хезмәткәр иде. – Сергей Львович был младшим сотрудником газеты «Вестник пароходства» (= в газете).

В татарском языке со словами *чик* (граница, предел), *сызык* (черта) реализуется значение общей сопостранственности: *Казах далалары чигендә яши иде ул.* [Абдуллин, с. 76] – Он жил на границе казахских степей. Если в русском языке значение конкретной сопостранственности передается следующим образом: *в стенах школы – в школе*, то в татарском языке такие кальки являются стилистически ошибочными: *Мәктәп стеналарында* – это *На стенах школы*, *Казах далалары чикләрендә* – это *На границах казахских степей*. Правильно: *Мәктәптә*; *Казах далалары киңлекләрендә*.

В русском языке часто используется вариант *посреди / среди / среди + Р.п.*: *Острова южных морей, расположенные среди бескрайних просторов Тихого океана (в / на бескрайних просторах Тихого океана)*. В татарском языке аналоговый вариант *Б.к. + арасында* редко употребим, если только в поэзии: *Өч Пошалым арасы (Расстояние между деревьями Три Пишалым)* [Абдуллин, с. 29].

В татарском языке синонимы и варианты с различным семным составом представлены следующими формами: 1) *Б.к. + астында* (*под+Т.п.*), в отличие от формы *У-в.к. (в + П.п.)*, этой семы не имеющей, что не мешает названным формам выступать в идентичных контекстах: *Су астында зур шәһәр бар.* – Под водой есть целый город; 2) названия учреждений, организаций имеют сему «подчиненность локуму какого-либо объекта, не являющегося его органической частью»: *Б.к.+каршында: Музей каршында (музейда) озак еллар дәвамьнда остаханә эшли.* – При музее (в музее) уже давно работает мастерская.

Значение общей сопостранственности в татарском языке осложняется семами: 1) времени: *дәрестә, ялда (на уроке, в отпуске)*, 2) ситуатив-

ности: *суыкта, жылыда (на морозе, в тепле)*, 3) пребывания, места жительства (или работы) лица (животного): *Мин әле генә директорда булдым. – Я только что был у директора.* Оба значения сопостранственности осложняются семами: **сообщности**: *Гаиләдә – тәртип һәм тынычлык.* – В семье – порядок и спокойствие, **сферы деятельности человека**: *Гомере буе театрда эшләде.* – *Всю жизнь проработал в театре.* Значение конкретной сопостранственности осложняется семами **атрибутивности** (характеризующее значение): *Муенындагы галстугын рәтләде.* – *Поправил галстук на шее*; **содержательности**: *...бу роман тәүге тапкыр «Современник» журналында басылып чыкты* [Абдуллин, с. 124]. – *Этот роман впервые опубликован в журнале «Современник»*; **образа действия**: *көймәдә йөрү – кататься на лодке.*

Таким образом, локум может быть соотнесен с предметом во всей своей полноте. Характерным для данного значения является соотнесенность, как правило, одного предмета или небольшого количества предметов (событий) с локумом. Распространяемый компонент лексически или морфологически подчеркивает: 1) либо единичность, особенность предмета, признака, действия в пределах локума; 2) либо ограниченность количества локализуемых предметов.

Список литературы

Антоновский А. Ю. Язык и пространство (Понятие пространства в лингвистике) // Уранос и Кронос: Хронотоп человеческого мира. Москва: РТ-Пресс, 2001. С. 187–208.

Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 264 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Наука, 1998. 728 с.

Замалетдинов Р. Р. Концепты дөнья, өй, йорт в татарской языковой картине мира // Филология и культура. Philology and Culture, 2006. № 5. С. 71–84.

Сибгаева Ф. Р. Пространство в картине мира поэтической фразеологии татарского языка // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 8. С. 123–127.

Абдуллин Ф. Г. Ерак сәфәр. Казан: Фикер, 2011. 196 с.

References

Abdullin, F. G. (2011). *Jerak sefer* [A Long Journey]. 96 p. Kazan, Fiker. (In Tatar)

Antonovskii, A. Ju. (2001). *Iazyk I prostranstvo (Poniatie prostranstvo v lingvistike)* [Language and Space (the Concept of Space in Linguistics)]. Uranos I Kronos: Hronotop chelovecheskogo mira. Pp. 187–208. Moscow, RT-Press. (In Russian)

Gak, V. G. (1998). *Iazykovye preobrazovaniia* [Linguistic Conversions]. 728 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Sibgaeva, F. R. (2008). *Prostranstvo v kartine mira poeticheskoi frazeologii tatarskogo iazyka* [Space in the Worldview of Tatar Language Poetic Phraseology]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, T. 150, No. 8, pp. 123–127. (In Russian)

Vsevolodova, M. V. (1982). *Sposoby vyrazheniia prostranstvennyh otnoshenii v sovremennom russkom iazyke* [Ways of Expressing Spatial Relations in Modern Russian]. 264 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Zamaletdinov, R. R. (2006). *Kontsepty don'ia, oi, iort v tatarskoi iazykovoii kartine mira* [The Concepts *донья, ой, йорт* in the Tatar Linguistic Picture of the World]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No. 5, pp. 71–84. (In Russian)

The article was submitted on 04.04.2017

Поступила в редакцию 04.04.2017

Миргалимов Ильдар Флусович,

соискатель,

Институт языка, литературы и искусства

им. Г. Ибрагимова,

420012, Россия, Казань,

К.Маркса, 12.

ildarfm.kazan@gmail.com

Mirgalimov Ildar Flusovich,

Ph. D. applicant,

G. Ibragimov Institute of Language,

Literature and Art,

12 K. Marx Str.,

Kazan, 420012, Russian Federation.

ildarfm.kazan@gmail.com